

I

Было 4 декабря 1576 года. На башенке королевского замка в Блуа пробило десять часов, когда король Генрих III кончил ужинать в обществе своих миньонов — Келюса, Можирона, д'Эпернона и Шомберга. Ужин отличался большой веселостью: вкусно ели, много пили, злословили о женщинах и превозносили мужчин.

— Господа, — сказал наконец король, — я очень скучаю здесь, в Блуа. Кто из вас мог бы развлечь меня?

Не успел никто ответить, как дверь раскрылась, и в комнату вошел человек. Указывая на него, Можирон сказал:

— Могу сказать одно, государь, что развлечь вас может кто угодно, только не этот господин!

— Господин де Можирон, — просто ответил вошедший, — я служу своим королям и в случае нужды проливаю за них свою кровь, но никогда не рассчитывал отбивать хлеб у шутов!

Миньоны принялись смеяться, однако король остановил их.

— Здравствуйте, Крильон! — сказал он, протягивая руку этому истинному рыцарю «без страха и упрека», начальнику дворцовой стражи.

— Вашему величеству было угодно призвать меня?

— Да, Крильон, друг мой... ведь вы мой друг, не так ли?

Герцог Крильон, очевидно, не нашел в этом обращении ничего особенно лестного для себя, так как ответил с наивным простодушием:

— Государь, я всегда был другом французских королей, из которых служу уже пятому, да сохранит его Господь!

— Ну так вот, друг мой Крильон, я в самом деле позвал вас. Вы были мне нужны, но это было тогда, когда я еще был королем Франции, то есть до ужина. Я хотел отдать вам распоряжения относительно собрания государственных штатов, которое должно состояться в Блуа через два дня. Но, черт возьми, после ужина и особенно после этого журансонского вина я совершенно не могу вспомнить, что такое я хотел сказать вам!

Крильон и бровью не повел, продолжая молчать, хотя Генрих сделал короткую паузу.

Увидав, что герцог и не собирается отвечать что-либо, король

продолжал:

— Я скучаю, милый мой Крильон, скучаю до смерти.

Крильон продолжал хранить молчание.

— Вы только посмотрите, — продолжал Генрих, — все эти молодые люди осыпаны моими милостями, я наполняю их карманы и делю с ними корону, но ни один из них не способен развлечь меня!

— Ну уж извините, государь! — воскликнул Можирон. — Как раз в тот момент, когда герцог вошел, я собираюсь развлечь ваше величество!

— Каким это образом? — жадно спросил король.

— О, это целая история, государь!

— Так выкладывай ее, и, если она позабавит меня, я сделаю тебя кавалером ордена Святого Михаила!

— Велика штука! — пробормотал Эпернон. — Теперь этот орден болтается у всякого встречного! Орден Святого Духа, это я еще понимаю!

— Господин д'Эпернон, — сказал Крильон, делая шаг к разряженному и раздушенному придворному, — орден Святого Духа жалуют лишь тем, кто понюхал пороха и от кого не разит так мускусом, как от вас!

— Ох уж этот мне Крильон, — со злобной усмешкой сказал король. — Он всегда бьет наверняка! Помолчи, д'Эпернон, я сделаю тебя рыцарем ордена Святого Духа после первой битвы!

— Значит, еще есть время подождать, — ответил Крильон и, видя, что никто не предлагает ему стула, взял табурет и спокойно уселся.

— Историю! Где история? — с детским нетерпением крикнул король.

— Вот извольте! — ответил Можирон. — В Блуа есть улица, которая поднимается в гору...

— Они все поднимаются! — заметил Келюс.

— Пусть! На этой улице имеется дом...

— На всякой улице имеется дом! — заметил в свою очередь Шомберг, который был остроумен и весел, как чистый понедельник.

— В этом доме живет девушка, прекрасная, как день!

— Сравнение неудачно, — заметил король. — Сегодняшний день, например, печален, туманен и способен навеять на душу самую черную меланхолию.

— Я имею в виду весенний день, государь! Эту девушку стережет

какой-то старик — слуга, как говорят одни, отец, как уверяют другие. Девушка выходит лишь по воскресеньям, да и то всегда под густой вуалью... Словом, красавицу держат, что называется, под семью замками. Вот я и подумал... В бытность польским королем его величество наш государь нередко производил по ночам веселые скандальчики, выбегая с друзьями на улицы Варшавы и учиняя дебоши разного рода...

— О, как я тогда веселился! — со вздохом сказал Генрих III.

— Ну, так почему же не представить себе, что Блуа — та же Варшава! Уже в девять часов здесь дают сигнал тушения огня, а патрули уходят спать в десять.

— А теперь сколько времени? — спросил король. — Около двенадцати? Значит, патрули уже спят?

— Давно уже, и мы можем без всякого риска заняться похищением таинственной красавицы!

— Эге! — сказал король. — Такое приключение мне нравится. Конечно, сама по себе красотка мне ни на что не нужна, но зато само похищение... Ну а со стариком мы что сделаем?

— Государь, не разбив яиц, яичницы не сделаешь!

— Это очень верное замечание! — согласился король и обратился к Крильону: — А вы, друг мой, как полагаете?

— Не знаю, государь, — ответил герцог, — я не специалист в поварском деле.

Король прикусил губу и молча позвонил. Вошедшему на звонок пажу он приказал подать плащ, шпагу и бархатную маску, а затем, обращаясь к миньонам, сказал:

— А вы, красавчики мои, можете надеть маски, если хотите, но для вас это, конечно, вовсе не так обязательно, как для меня, потому что гугеноты поднимут крик, если станет известно, что король Генрих Третий пускается в ночные приключения!

— Государь! — сказал Келюс. — Гугеноты дурачье!

— Я тоже так думаю, — ответил король, — но надо же сделать что-нибудь и для дурачья! А вы, герцог, — продолжал он, обращаясь к Крильону, — отправитесь с нами?

— Я, государь?

— Ну да, вы, мой друг Крильон!

Герцог встал, ударом ноги опрокинул табуретку и, кинув на

миньонов сверкающий ненавистью взгляд, воскликнул:

— Вашему величеству угодно шутить, что вполне понятно, так как все Валуа отличаются остроумием!

— Что такое? — надменно сказал король, нахмурившись.

Крильон и бровью не повел, продолжая:

— Потому что, наверное, ваше величество шутите!

— Объяснитесь, герцог! — сказал король, голос которого выдавал раздражение.

— Это будет нетрудно, государь. Мне было пятнадцать лет, когда я стал пажом короля Франциска Первого. Однажды вечером король сказал мне: «Вот письмо, отнеси его, милочка, к моей дивной подруге Диане де Пуатье». Я посмотрел на короля сверху вниз, и он понял. «Этот ребенок не создан для роли любовного посредника!» — сказал он и позвал другого пажа.

— Ну-с? — крикнул Генрих III шипящим голосом.

— Ну-с, а тридцать лет спустя король Карл Девятый вздумал поручить мне скверное дело, достойное палача, а не дворянина. Я обнажил шпагу и сломал ее о свое колено. Тогда государь, ваш покойный брат, вспомнил, что меня зовут Крильоном, и извинился передо мною.

— Да неужели? — сказал Генрих, губы которого судорожно скривились.

— Я не требую извинений от вашего величества, потому что вы, государь, еще слишком мало знаете меня, — наивно сказал Крильон. — Я только умоляю разрешить мне отправиться спать.

Король не проронил ни слова. Он повернулся спиной к Крильону и обратился к миньонам:

— Ну, вы готовы, господа?

Король вышел первым, за ним Келюс и Шомберг, Эпернон и Можирон. Крильон смотрел им вслед, не говоря ни слова. Казалось, он был погружен в мрачную, тревожную задумчивость. Вдруг он вздрогнул, выпрямился и бросился к двери.

— Нет, нет! — пробормотал он. — Я должен спасти честь короля. Честь короля Франции и Крильона — это одно и то же! — И он побежал вслед за ушедшими.

II

Улица, о которой говорил Можирон, и в самом деле шла в гору. Узкая, извилистая, вымощенная речными камешками, окаймленная черными бесформенными домиками, она казалась пережитком из Средних веков. И тем страннее представлялась среди них массивная каменная стена, сравнительно новой постройки, с величественными дубовыми воротами. За стеной виднелись деревья, маскировавшие какое-то здание из красных кирпичей — не то замок, не то мещанский дом.

Несмотря на поздний ночной час, из-под ставен одного из окон просвечивали полоски света. В комнате первого этажа перед прялкой сидела за работой молодая девушка. Ей было не более шестнадцати лет, она была очень бела и русоволоса, а ее голубые глаза своей бесконечной нежностью напоминали глаза газели.

В то время как она прилежно работала, склонившись над пряжей, дверь бесшумно отворилась и в комнату вошел старец, до такой степени высохший и исхудалый, что казался скорее тенью, чем живым человеком.

Девушка подняла голову и, улыбаясь, сказала:

— Добрый вечер, дедушка!

Старик подошел к девушке, поцеловал ее и недовольно произнес:

— Добрый вечер, дорогая Берта! Но к чему ты сидишь так поздно за работой? Тебе пора отдохнуть!

— Но, дедушка, разве сегодня не четвертое декабря?

— Да, четвертое.

— Канун собрания штатов?

При этих словах тусклый взгляд глаз старца загорелся гневным огоньком.

— Да, — сказал он, — скоро король Генрих Третий — да проклянет Господь его душу! — соберет всю свою знать и соединится с Лотарингским домом на гибель тех несчастных, что слушают проповедь!

— Дедушка! — с ласковой улыбкой ответила Берта. — Вы знаете, что Господь бесконечно добр, праведен и служит лучшим щитом верных. Он не допустит, чтобы мне и вам был причинен какой-нибудь

вред. Да и кто захочет напасть на слабого старца и беззащитную женщину?

Взор старца снова вспыхнул.

— Да! — сказал он. — Я очень стар — мне около ста лет, и уже моя рука давно не обнажала шпаги. Но если на тебя нападут... О! Старый сир де Мальвен вспомнит, как некогда он сражался рука об руку с Баяром, рыцарем без страха и упрека!

Берта обеими руками обняла шею старика и воскликнула:

— Дорогой дедушка! Не бойтесь, полно вам! Этот дом затерян на пустынной улице. Никто и не думает о нас. А потом, разве вас не любят, не уважают?

— Жители Блуа — да, но чужеземцы... О, эти лотарингцы, подлые наемники на жалованье у Гизов, убийцы наших братьев! — Он помолчал и затем сказал другим тоном: — Уже поздно, наверное, дворянин от наваррского короля не прибудет сегодня!

Не успел он договорить, как Берта насторожилась.

— Стучат! — сказала она и высунула белокурую головку из окна, прислушиваясь к ночным шумам.

Действительно, кто-то стучал в ворота, в то время как чей-то голос провозглашал:

— Как хорошо!.. И как жарко греет солнце по ту сторону Гаронны!

— Это он! — воскликнул старик. — Это пароль, обозначенный в извещении. Пойди открой ему, Берта, и пусть будет благословен приход того, кто является от наших братьев!

Девушка накинула на себя плащ с капюшоном, взяла лампу и сняла с пояса связку ключей. Затем она вышла в сад в сопровождении старика, но он скоро отстал от нее.

Прежде чем отпереть, Берта опустила смотровое оконце и спросила дрожащим голосом:

— Кто там?

— Гасконь и Беарн! — ответил снаружи звучный, свежий голос.

Берта вложила ключ в замочную скважину, повернула его, и ворота раскрылись, пропуская высокого, стройного человека, который на мгновение замер на месте, ослепленный красотой личика Берты, освещенного светом лампы.

Не прошло и часа, как молодая девушка прониклась безграничным доверием к незнакомцу. Она никогда не видала его, не знала и теперь,

кто он такой, но все же была уверена, что на этого человека вполне можно положиться. Когда она провела его в комнату, предназначенную для приезжих, у нее невольно вырвался возглас при виде того, как незнакомец отстегивал шпагу:

— Ах, давно уже в нашем доме не видно было шпаги!

Незнакомец с улыбкой посмотрел на девушку и ответил:

— Ну что же! Эта, по крайней мере, не имеет другого назначения, кроме служения вам защитой!

Берта подняла на незнакомца взор своих больших грустных глаз и отозвалась:

— Теперь я не боюсь!

— Значит, до этого вы порою боялись, милочка?

— О да! По крайней мере, последние два дня... Наш город теперь переполнен приезжими... стало так шумно, беспокойно... а вдобавок еще... в свите короля ужасно много нахалов.

— Вот как! — заметил незнакомец, грозно нахмуриваясь.

— Да вот, — продолжала Берта, проникаясь к незнакомцу все большим и большим доверием, — не далее как вчера... Только не говорите дедушке!.. Вчера на улице возле нашего дома бродили два замаскированных дворянина и внимательно рассматривали ворота, дом. Мне удалось уловить несколько слов из их разговора, который они вели шепотом. Один сказал: «А ведь крошка-то хороша на славу!» — Берта конфузливо опустила глаза. — Тогда другой ответил: «Ну что же! Давай похитим ее!»

— Негодяй!

— Я поскорее вбежала в ворота, заперлась. Всю ночь я дрожала как лист, вскакивала при малейшем шуме. Когда же настал день, я поблагодарила Господа за то, что со мною ночью ничего не случилось, и просила Его послать нам с дедушкой защитника и покровителя!

Говоря это, Берта подошла к окну и выглянула в него. Вдруг она вскрикнула и поспешно отскочила назад.

— Что с вами? — спросил гасконец.

— Смотрите! Смотрите! — Ее зубы стучали от ужаса, и голос дрожал.

Гасконец подошел к окну и тоже выглянул.

— Ого! — сказал он затем. — По-видимому, я явился очень вовремя!..

Действительно, на стену вскарабкался какой-то мужчина и уселся верхом на ней.

— Это они! — пробормотала Берта.

— Не бойтесь! — ответил гасконец и потушил лампу. В комнате воцарилась тьма, но Берта расслышала сухой треск взводимых курков у пары пистолетов. Когда ее глаза несколько свыклись с тьмой, она разглядела, что незнакомец засовывает пистолеты за пояс и оправляет на себе пристегнутую вновь шпагу.

— А теперь оставайтесь здесь и позвольте мне устроить все дело, — сказал он. — Черт возьми! Посмотрим, испугают ли сына моей матери похитители благородных девиц, хотя бы разбойников было целых десять тысяч!

III

Тем временем король с миньонами вышел из замка через маленькую боковую дверцу, так что никто не заметил их исчезновения. Сначала они шли очень тихо, соблюдая осторожность, но, когда замок остался далеко позади, миньоны подняли шумный разговор.

— Значит, ты влюбился в эту крошку, Можирон? — спросил король.

— И да и нет, государь!

— То есть как же это, милочка?

— Но, господи... «да», если вы, государь, не найдете ее по своему вкусу!

— Ну вот еще! — отозвался король. — Уже давным-давно женщины не представляют для меня ни малейшего интереса. А как по-твоему, Келюс?

— Я, государь, больше склоняюсь к дружбе — она не так обманчива, как любовь женщины!

— Итак, милый мой Можирон, крошка нравится тебе ровно настолько, насколько ее рожица мне не понравится?

— В том-то и дело, государь, я ужасно боюсь, как бы она вам не понравилась!

— Посмотрим! — сказал король. — Но тише! — сзади нас слышатся какие-то шаги. Постарайтесь избегать титулов, господа!

— Ладно! — согласился Можирон. — Впрочем, мы пришли.

— А, так это — в этой уличке?

— Да. Вот видите там высокую стену? Дом за стеной!

Тем временем Келюс сказал Эпернону:

— Можирон очень хитер. Он похитит девочку якобы для короля, а так как королю женщины глубоко безразличны, то хитрец воспользуется добычей для самого себя!

— Да, но она мне тоже нравится, — сказал Шомберг.

— Ну, так возьми ее! — рассмеялся Келюс.

— А если она понравится и мне? — спросил д'Эпернон.

Келюс рассмеялся:

— Однако, господа, видно, женщины представляют интерес для всех вас, кроме меня и короля!

— Ты ее еще не видал!

— Фу! Из-за женщин я глупостей не наделаю. Я иначе смотрю на вещи.

— Да, но король?

— Король вполне разделяет мое мнение. Он находит, что самая прекрасная девушка на свете не стоит вазы, наполненной вареньем.

— Аминь! — пробормотал Шомберг. — Но, клянусь тебе, Келюс, Можирон не получит красавицы без боя!

— Ах, ребята, ребята! — вздохнул Келюс. — Вот уж права поговорка, которая говорит, что достаточно одной курицы, чтобы все петухи передрались! Все мы друзья, а теперь вы хотите драться из-за какой-то смазливой рожицы!

— Черт возьми, — буркнул Эпернон, — я не желаю отказываться от своей части!

— Ну, как хотите, — беззаботно отозвался Келюс. — Только в таком случае нам с королем совершенно ни к чему было мешаться в эту историю!

В этот момент послышался недовольный голос короля:

— Но ты совсем с ума сошел, Можирон! Эти ворота способны выдержать какую угодно осаду!

— Ваше величество, не беспокойтесь из-за таких пустяков! — ответил Можирон. — Я нарочно познакомился вчера с пономарем, а он припас мне лестницу и рассказал кое-какие подробности. По-видимому, изнутри эти ворота заперты просто железным брусом. Мне достаточно будет влезть на стену, спрыгнуть вниз, сбить замок и...

— И ты нам откроешь изнутри ворота!

— Точно так, государь! — С этими словами Можирон исчез во мраке и скоро вернулся с переносной лестницей.

Эту лестницу быстро приставили к стене, и Можирон взобрался по ней на стену. Король и трое миньонов остались внизу. Взобравшись, Можирон оглядел сад и затем сказал, свесившись к улице:

— Света нет, сад пуст, даже собаки не видать... голубка спит на голубятне!

— Тем лучше! — отозвался снизу король. — Соскакивай скорее в сад и открой нам, а то чертовски холодно!

Можирон исчез, и вскоре глухой шум падения известил короля, что его любимец соскочил на землю. Некоторое время Можирон просидел слегка оглушенным на земле, но затем вскочил и подбежал к воротам.

Здесь он обнажил шпагу и вставил кончик ее в замочную скважину, чтобы отпереть ворота.

— Да поторопись ты! — крикнул ему король через ворота. — Адски холодно.

Однако Можирон не имел времени ответить, так как в этот момент его оглушил сзади страшный удар рукояткой шпаги по затылку. Можирон был так изумлен этим неожиданным нападением, что даже не крикнул. Но, увидав, что на него наступает с обнаженной шпагой какой-то человек, он отскочил в сторону, прижался к воротам и в свою очередь обнажил шпагу.

— Чудак! — сказал незнакомец. — Как верно то, что я — дворянин, а ты — мерзкий скандалист, так я пригвожу тебя шпагой к этим воротам!

— Ко мне! — крикнул Можирон.

Шпаги обоих противников скрестились, и звон оружия донесся до короля и миньонов.

— Господа, — сказал Генрих III, — крошку-то, оказывается, стерегут! Что делать, по-вашему?

— По-моему, следует идти спать! — ответил Келюс, не понимавший, как можно рисковать жизнью из-за любовного приключения.

Эпернон, как осторожный человек, промолчал. Только Шомберг крикнул:

— Идем ему на помощь!

— Ладно! — отозвался король, зевая во весь рот. — По крайней мере, таким путем можно будет согреться, а то ужасно холодно.

Шомберг уже лез по лестнице. Тем временем Можирон и защитник Берты Мальвен ожесточенно бились. Уже два раза шпага незнакомца касалась груди миньона, но последний стойко продолжал сражаться, будучи учеником Генриха III, которого называли лучшим фехтовальщиком Франции.

— А! Шпагой-то ты умеешь владеть! — крикнул гасконец. — Ну да мы посмотрим! — И, изловчившись, он отвел выпад Можирона, после чего нанес ему вторично такой удар эфесом по голове, что миньон без сознания рухнул на землю.

В этот момент на стене показался Шомберг.

— Вот как? — сказал гасконец. — Значит, их было двое?

Шомберг соскочил на землю. На стене появился третий враг.

— Да этими молодцами просто дождит! — воскликнул гасконец. — Ну, черт возьми, мне придется сыграть роль солнца и прекратить дождь! — И, говоря это, защитник Берты прислонился в свою очередь к стене и встал в позицию с уверенностью истинного мастера шпаги.

IV

Шомберг был очень храбр, но той слепой, животной, дурацкой храбростью, которой вообще отличаются тевтоны. Он мало понимал толка в рыцарских обычаях и бросился на противника Можирона без всяких актов вежливости, обычных для французской дуэли, и даже без необходимого парада.

— Вам незнакомы даже азы нашего благородного искусства, и я мог бы убить вас, как цыпленка! — насмешливо заметил ему гасконец и, сделав резкое движение шпагой, сразу выбил оружие из рук остолбеневшего Шомберга.

Заметив это, защитник Берты Мальвен произнес:

— Перейдем к другому!

В то время как Шомберг смущенно подбирал свою шпагу, гасконец обратился к вновь появившемуся противнику.

Последний тоже соскочил со стены; он был замаскирован.

— Вот как? — захохотал гасконец. — Вам угодно сохранить инкогнито? — И он поднес кончик шпаги к его лицу.

Но король — это был он — сейчас же встал в позицию, и гасконец сразу увидел, что имеет дело с мастером шпаги.

— Тем лучше! — сказал он. — Это гораздо забавнее!

Шомберг, подобрав свою шпагу, кинулся на помощь королю, но тот крикнул:

— Оставайся на месте! Пусть увидит, нужен ли мне помощник, чтобы убить какого-то бедняка, клянусь собачьим хвостом!

«Где я уже слышал это выражение?» — подумал гасконец.

Шомберг повиновался и отошел в сторону.

— Ну-с, сударь, поторопимся! — сказал король. — Стоит собачий холод, и я хочу скорее убить вас, чтобы согреться.

Гасконец расхохотался и сделал выпад в терцию, что в данном положении было совершенно необычным парадом.

— Ваша милость еще жалуется, тогда как я поставлен в еще худшее положение! — сказал он при этом и перешел в очень изящную квартиру.

— Каким это образом? — спросил король, удивленный парадом.

Гасконец, не переставая играть шпагой, ответил насмешливым тоном: